

Космическая сага. Героями не рождаются, Героями становятся. Книга 1

Автор:

[Дмитрий Найденов](#)

Космическая сага. Героями не рождаются, Героями становятся. Книга 1

Дмитрий Александрович Найденов

Продолжение цикла "Наследие древних", можно читать как самостоятельное произведение.

Земля перенаселена. К власти пришло объединенное правительство цель которого сократить рождаемость и отвлечь проблемы общества на внешние угрозы. Большая часть людей решается покинуть землю и в скором времени покидают Солнечную систему, отправившись к ближайшей звезде, чтобы организовать там колонию. Главный герой простой парень, потерявший родителей и желающий отомстить за их смерть. Что ждёт его впереди покрыто мраком и тайной, но он намерен в любом случае добиться своей цели и освободить человечество от гегемонии, дав ему право выбора. Как люди вышли в дальний космос? Откуда появились технологии? Как возникло Содружество? Как появились псионы? Как появились нейросети и медицинские капсулы? Откуда произошли аристократы? Почему так много планет пригодных для жизни человека? На все эти вопросы вы получите ответ в этой книге.

ГГ потомок главного героя из цикла "Наследия Древних".

Дмитрий Найденов

Космическая сага. Героями не рождаются, Героями становятся. Книга 1

Глава 1. Интерлюдия

Отказ правого двигателя, перевод мощности на левый.

Щиты с правой стороны потеряны, разгерметизация кабины.

Потеря биогеля семьдесят процентов.

Принудительное снижение манёвренности корабля тридцать процентов.

Рекомендация покинуть поле боя и отправиться на ремонт.

Связи с кораблём носителем отсутствует.

Резервные каналы связи не отвечают.

Мощность реактора снижается, возможно нарушение герметичности.

Отказ вооружений правого борта.

Входящие сообщения на экране шлема горели красным, извещая о многочисленных отказах систем и вооружений. Мой истребитель стремительно вращался в разных плоскостях, и только многочисленные тренировки не позволяли мне потерять ориентацию и помогали отслеживать ситуацию. Холодные щупальца страха, пытающиеся пробраться к сердцу, были мной отстранены усилием воли. Все мои мысли были сосредоточены на одном. Рядом маячила туша вражеского линкора, а оставшиеся две торпеды с усиленным ядерным зарядом, подвешенные на левом крыле моего истребителя, горели зелёным светом, извещая о готовности к пуску.

Рядом завершалось сражение, силы повстанцев, к которым принадлежал и мой истребитель, были практически разбиты. Карательная экспедиция, направленная к нашей звёздной системе из содружества Земли, уже готовились праздновать победу. На мой подбитый корабль уже никто не обращал внимания, но я не сдавался.

Отстранившись от окружающего, я посмотрел на фото своей невесты, размещённое рядом с главным радаром. На нём улыбающаяся рыжеволосая и конопатая девушка обнимала молодого блондина с голубыми глазами, а на заднем плане висело розовое солнце с двумя лунами.

Я на миг погрузился в воспоминания, продолжая контролировать всё, что происходило вокруг. Альфа Центавра стала убежищем для тех, кто захотел скрыться от монополии Нового правительства Земли и от навязывания новых принципов свободы и гендерных отношений в обществе. Из-за перенаселения принимались новые законы, запрещающие естественные отношения между мужчиной и женщиной. В открытую пропагандировались однополые браки, отказ от религии, от семейных ценностей и другие, подобные ограничения в нормальном развитии общества. Последние беженцы, пытающиеся скрыться вначале на Марсе и кольцах Сатурна, а затем и на Плутоне, смогли совершить рывок в науке и отправить большую часть повстанцев, как нас стали называть на Земле, в дальний космос.

Переселение закончилось довольно успешно, девяносто процентов кораблей смогли достичь ближайшей звезды – Альфа Центавра и смогли организовать успешную колонию. Почти тридцать лет спокойного развития поселили надежду на то, что преследование со стороны Земли уже закончилось, но пять лет назад появился первый разведчик, который смог преодолеть разделяющие нас расстояние, но даже тогда оставалась надежда, что политика Земли изменилась, но разведчик, отправив обратно зонд, атаковал ближайшую космическую станцию, на которой и погибли мои родители. Количество жертв тогда достигло семидесяти тысяч человек. С этого момента наша колония начала готовиться к неминуемому вторжению.

После гибели родителей я сразу же записался в корпус Стражей Центавры, которые должны будут первыми встретить вторжение противника на окраине системы. Пять лет изнурительных тренировок, и жизнь на постоянном адреналине. Пять лет безумного стремления стать лучшим и отомстить за смерть своих родителей. Единственным светлым лучом во всём этом была Лиза. Она появилась в моей жизни как ураган, молодую курсантку, отправленную к нам на практику, я заметил сразу и не мог оторвать от неё глаз, как и она от меня. Это, действительно, была любовь с первого взгляда. Над нами смеялись все окружающие, а потом просто махнули рукой на нас. Всё свободное время по возможности мы проводили вместе, тайком тренируясь по ночам в капсулах, имитирующих кабины истребителей. Именно поэтому нас и не трогали, так как

наши показатели лётного мастерства резко пошли вверх. Если я до этого входил в десятку лучших курсантов всего училища, то после месяца наших безумных тренировок я занял первую строчку и мог спокойно уделывать даже бывалых лётчиков. На несколько месяцев я смог забыть боль утраты от потери своей семьи и понял, что такое личное счастье, но радары, расположенные на окраине нашей системы, сообщили о приближении вражеского флота. В намереньях противника никто не сомневался, поэтому подготовка к встрече была максимально насыщенной. После этого нам пришлось расстаться, так как молодых курсантов отправили вглубь системы для продолжения обучения, а два крайних курса в срочном порядке, сдав экзамены, посадили на новые истребители и отправили на окраину системы, чтобы встретить флот противника.

Мотнув головой, я попытался сфокусироваться на вращении моего повреждённого корабля. Усилием воли я отстранился от реальности и стал кораблём, ощущая его незримую боль в правой стороне фюзеляжа, говорящую о серьёзных повреждениях. В какой-то момент я почувствовал, что если я сейчас произведу пуск ракеты, то она обязательно попадёт в цель. Время для меня растянулось и немного замедлилось, я нажал на активацию одной из ракет и произвёл её запуск, не обращая внимание на безумное вращение корабля, доверяя своей интуиции, которая всегда выручала меня. Повинуясь такому же импульсу, я подправил штурвалом вращение истребителя, используя боковые компенсаторы и на мгновение поймав в прицельную сетку следующий за линкором штабной корабль, произвёл пуск второй торпеды практически в упор. В тот же миг, автоматические системы защиты обоих кораблей противника классифицировали меня как враждебную цель и открыли огонь по моему подбитому истребителю. Но меня в нём уже не было. Производя запуск второй торпеды, я активировал систему экстренной катапультации, и меня мощным взрывом буквально вынесло из обломков разрываемого на части истребителя. Мой скафандр имел возможность длительное время находится в космосе и проводить различные манипуляции, он отличался от армейского, отсутствием броневых пластин из облегчённого титана, но имел большую прочность на разрыв и температуру, а также большую подвижность кистей рук, имеющих сверхтонкий защитный слой, сравнимый с обычными перчатками. В стандартный комплект скафандра входил одноразовый плазменный пистолет на двадцать выстрелов. Он стрелял специальными шариками, превращающимися в плазму, способную прожигать толстую броню.

Эти пистолеты ввели совершенно недавно, до этого были старинные стреляющие простыми пулями, начинёнными взрывчаткой. Но их недостаток был

в том, что они взрывались от любого препятствия и были опасны в ношении. Ещё была стандартная аптечка с большим количеством различных противоперегрузочных препаратов и препаратов, увеличивающих реакцию человека в несколько раз. Но их применять не рекомендовалось из-за большого количества побочных эффектов.

Пока я прокручивал в голове, чем я располагаю, то успел сориентироваться, где я нахожусь, меня несло в сторону вражеского линкора. Внезапная вспышка, от которой сработало затемнение, сообщила, что моя первая торпеда удачно попала в линкор противника, взорвав лётную палубу малых истребителей ближней защиты. Датчик радиации тревожно запищал, извещая о превышении безопасного уровня, а аптечка вколола в шею противорадиационный препарат. Судя по уровню радиации, торпеду разорвало в глубине линкора, иначе меня бы уже капитально поджарило.

Буквально через несколько секунд произошла вторая вспышка, но уже где-то за линкором. Мой шлем ещё улавливал сквозь помехи, переговоры оставшихся в живых пилотов, которые летали не так далеко от меня. Судя по их радостным возгласам, моя вторая торпеда попала более удачно. Взрыв произошёл в районе рубки корабля, и в итоге корабль полностью потерял управление и обесточился, чем сразу же воспользовались наши пилоты.

Пока я вслушивался в переговоры, то в меня попало несколько мелких обломков, один из которых ранил меня в ногу, пробив скафандр, а второй пройдя по касательной, оставил сильный ушиб на плече. Остаться в месте взрыва было опасно. Используя кресло катапульты, я направился в сторону линкора, намереваясь прицепиться к нему. Сам линкор практически остановился от взрыва, разворотившего переднюю часть. Или, что скорее всего, наши скорости были практически равны. Управляя креслом, я использовал весь запас небольшого количества топлива, который был в нём и меня ощутимо приложило о корпус линкора. От удара я на секунду потерял сознание, и аптечка опять вколола мне какой-то препарат в кровь, отчего появилось чувство эйфории. Отключить аптечку без доступа к бортовому компьютеру истребителя, не сняв скафандр, было невозможно. Поэтому мне пришлось смириться с этим. Чем хорош скафандр для истребителя, так это наличием всевозможных приспособлений, могущих облегчить жизнь пилоту. Используя магнитную подошву, я отцепил крепления и освободился от кресла, а затем направился в сторону ближайшей лётной палубы, которая подсвечивалась зеленоватым полем, сдерживающим атмосферу внутри ангара. Мы такие перестали

использовать ещё два десятка лет назад из-за того, что они очень нестабильны и потребляют много энергии. Судя по его мерцанию, он работает на резервном источнике энергии, а значит, линкор серьёзно повреждён, я, конечно, не питал иллюзий захватить или серьёзно повредить линкор, но двадцать зарядов в пистолете грели мне душу. Я уже не надеялся выжить. Шансы, что мы выиграем эту битву, были близки к нулю, но и просто так сдаться я не мог. На краю лётной палубы всегда по штату стоят автоматические турели, но с моей стороны они не работали. Возможно, причина в отсутствии питания, поэтому я не стал искать подхода к ней, а двинулся напрямую. Корпус линкора периодически сотрясали взрывы, что затрудняло мне движение. Когда я подобрался к самой лётной палубе, раздался хлопок, который я не услышал, а почувствовал, и из защитного поля вылетел корабль, который можно классифицировать как спасательный бот. Очень осторожно я заглянул на палубу. Там стояло около полусотни истребителей и лёгких двухместных торпедоносцев. Вокруг них суетились пилоты и механики. Рядом с собой я увидел открытый люк переходного шлюза. Оглядевшись ещё раз, я увидел двух человек в скафандре, которые копались вокруг эмиттера силового поля, пытаюсь, наверное, починить его.

Прикинув все варианты, я оставил в покое ремонтников и, прячась за обездвиженное противоабордажное орудие, пробрался в люк, после чего захлопнул его и заблокировал изнутри. На нём, конечно же, стоит камера, но кто в такой момент будет в неё смотреть. Тем более, наружный люк без карты доступа не открыть. Невероятная удача пока сопутствовала мне, поэтому я и решил рискнуть на безумную атаку. Главное – теперь правильно выбрать цели, чтобы мои двадцать выстрелов не пропали даром. Внутри шлюза, вторым был люк в форме двери полуовальной формы и на нём не было системы распознавания. Нажав на стене кнопку заполнения шлюза, знакомую мне по старым учебникам, я дождался, пока давление не нормализуется, и приоткрыл люк. Рядом с собой я увидел стоящий истребитель с разобранным задним двигателем, в котором ковырялся худощавый техник маленького роста, как минимум на голову ниже меня. Я не считал себя гигантом или большим по отношению к окружающим, но тратить заряд на этого щуплого техника я пожалел. Перехватил пистолет левой рукой, я вынул стропорез и направился прямо к нему, оглядываясь по сторонам.

Глава 2. Знакомство со службой безопасности

Несправедливость, какой бы она не была

– угроза справедливости повсюду.

Мартин Лютер Кинг.

Пока я шёл, то меня мучили сомнения, не погорячился ли я, ведь убить человека выстрелом из пистолета – это не то же самое, что убить ножом. Но вспомнив, что они прилетели к нам именно для того, чтобы убивать, я, сжав зубы, ускорил шаг и вонзил нож в основание шеи. Мой противник умер мгновенно, и подхватив тело, я затащил его под снятый кожух двигателя и только потом вынул нож после чего, присев, оглянулся. Обшарив техника, я нашёл пропуск, а с пояса снял кобуру с пистолетом старой модели, которую я видел только у знакомого коллекционера оружия и даже один раз стрелял из него. Это оружие на порохе с неплохой компенсацией отдачи, но не способное пробить даже лёгкие доспехи и давно уже не применяется на Центавре. Проверив магазин, я насчитал двенадцать патронов и, глянув в кобуре, нашёл ещё один запасной магазин.

Итак, я смог разжиться старой моделью пистолета с двадцатью патронами, подумав, я вернул свой плазменный пистолет обратно и открыл лицевой щиток, так мне было проще отслеживать ситуацию вокруг. Ближайшие люди находились от меня в шестидесяти метрах, в принципе, заметить меня не должны, так как с краю лётной палубы обычно ставят сломанную технику, а сейчас для них главный вопрос стоит в обслуживании истребителей, возвращающихся с боевого вылета. Что предпринять дальше я не успел придумать, так как у меня над головой раздался голос:

– Чак, засранец, ты куда смылся? Я что один буду вести наладку компенсатора литиевого зажигания? – говорили на очень плохом имперо, языке, распространённом в Земной Федерации.

Я отступил вглубь истребителя, прячась под его задним стабилизатором, продолжая сжимать в правой руке нож.

Внезапно говоривший спрыгнул сверху и, разогнувшись, оказался прямо передо мной, и непонимающе уставился на меня. Я, не теряясь, просто воткнул ему стропорез в живот, а затем ещё раз, отчего он, схватившись за меня руками, медленно сполз на пол палубы. При этом мы смотрели друг другу в глаза.

Неожиданно меня замутило и вырвало прямо на мёртвого пилота, а это был именно пилот, в лёгком скафандре и со снятым шлемом, в левой руке. Шлем был простого плана без тактического дисплея с простой гарнитурой связи. Попытаться переодеться я не стал, а вот забрать пропуск, висящий на шее, и точно такой же пистолет я не отказался, сунув последний в один из карманов. Цвет наших скафандров был похож, поэтому я, вытерев рот, закрыл забрало и полез на истребитель. Улететь на нём я и не планировал, но меня заинтересовало в нём не это, а подвешенные с обеих сторон две тяжёлые ракеты. Истребитель был одноместным и похожие модели мы изучали на курсах, поэтому основные характеристики я знал, и немного из управления нам тоже преподавали, чтобы понимать особенности строения кораблей противника. Спокойно забравшись в кабину, я оглядел приборную доску и понял, что эта модель более современная, по сравнению с той, которую нам показывали, но в этом нет ничего удивительного, модель была тридцатилетней давности. Найдя кнопку закрытия бронированного колпака кабины, я активизировал её. Как только колпак отгородил меня от внешнего мира, мне стало намного спокойнее, ведь я всё-таки пилот, и истребитель для меня, как родной дом, хоть и незнакомой модели. Автоматически появилась голограмма внешнего обзора, убрав оружие и нож, я привычно положил руки на джойстики управления по бокам от меня. Наполнять кабину компрессионным биогелем я не стал, как и подключать скафандр, тем более, что разъёмы сильно отличались. Чтобы осуществить задуманное – мне необходимо запустить внутренний реактор истребителя, а затем повернуть сам истребитель. А вот последнее сделать уже будет не просто, так как диспетчер может не дать мне разблокировать крепления истребителя к палубе. Поэтому действовать нужно очень быстро, и на всю операцию у меня будет одна-две секунды. В это время в ангар влетело два торпедоносца, и они сразу же были подхвачены тормозными полями, после чего посажены на палубу. Тут же открылась шахта лифта, и в полётный ангар стали завозить новые торпеды для пополнения использованного боезапаса. Торпеды были большие, и на них было много наклеек с предупреждениями. Техники очень быстро раскрыли контейнеры и с помощью манипуляторов начали вынимать их и с большой осторожностью соединять их. Как оказалось, каждая торпеда состояла из трёх частей и собирали их вместе непосредственно перед использованием, что говорило о большой опасности хранить их совместно. Лучшего момента может и не представиться, поэтому я сосредоточился и, дождавшись, когда соберут четвёртую торпеду и осторожно начнут крепить к подвеске, активировал запуск реактора и одновременно с этим нажал на кнопку экстренного взлёта. Одновременно я активировал всё вооружение, приведя его в боевую готовность. Не полагаясь на работу основного двигателя, я включил на несколько секунд компенсационные двигатели, отчего истребитель немного приподняло от

палубы, а затем используя боковой стабилизатор повернул истребитель и нажал на пуск ракет.

Но ничего не произошло, я несколько секунд смотрел, пытаюсь понять, в чём же дело и понял, как я ступил. На вооружение стояла блокировка и для активации нужен пропуск. Сорвав с шеи, надетый пропуск убитого мной пилота, я вставил его в щель, рядом со вторым пропуском, для полётов, который был воткнут до этого всё время.

Потратив на всё меньше секунды, я повторно навёл ракеты и нажал пуск, добавив к этому огонь из плазменной пушки истребителя, с радостью отмечая, что ракеты запустились, после чего истребитель сотряс взрыв, а голограмма внешнего обзора мигнула, заискрилась, и меня вырубил, ударив сильным разрядом тока.

Очнулся я от того, что мне кто-то заехал в челюсть. Кое-как открыв глаза, я увидел, что сижу на стуле, пристёгнутый наручниками. Но осмотреться мне не дали, так как следующий удар в челюсть опять вырубил меня.

В очередной раз я очнулся от удара электрическим разрядом мне в шею. Открыв глаза, я понял, что до сих пор сижу на стуле и пристёгнут к ним наручниками. Рядом, за таким же металлическим столом, сидит капитан с нашивками сотрудника безопасности подразделения разведки Центавры.

– Ну что, тварь, будешь сотрудничать? Что ты знаешь о втором флоте, высланном одновременно с первым? – задал он вопрос.

Я, не веря, оглянулся, не понимая, что происходит вокруг и, думая, что это какая-то ошибка, сказал:

– Это ошибка, сэр, я – не из Федерации, я...

Договорить мне не дали, так как стоящий за моей спиной человек воткнул в меня шокер, и меня трясло пару минут, пока изо рта у меня не пошла пена.

И меня опять не вырубил. Когда я опять очнулся, мне задали тот же вопрос:

– Что ты знаешь о втором флоте Федерации?

– Но я с Центавры, – начал говорить я, и сразу же получил новую порцию разряда.

Следующий раз всё повторилось снова и снова, по той же схеме, пока меня не вырубил надолго. Очнулся я всё там же на металлическом стуле в собственной блевоте, обмочившись, со стойким запахом экскрементов. Болело всё, не только снаружи, но и внутри. Мой левый глаз полностью заплыл, нос явно был сломан и забит сгустками крови, а во рту не хватало нескольких зубов. Долго мне осматриваться не дали, так как в камеру допроса вошли двое в форме сотрудников службы безопасности.

– Молчит гад, но, если остальные ничего не могут толком сказать, этот несёт какую-то ахинею. Говорит, что с Центавры.

Подняв голову, я прошептал разбитыми губами, еле слышно:

– Младший лейтенант Волков Александр. Пятая бригада, шестого корпуса, ускоренный кадетский выпуск. Личный жетон, – тут я поперхнулся собственной кровью, но нашёл в себе силы продолжить: – Личный жетон Омега пять дробь шестьсот тридцать четыре.

Оба представителя уставились на меня как бык на новые ворота:

– Бред, – сказал тот, кто меня допрашивал, – ему кто-то подсказал.

– Ты сканировал сетчатку? – спросил второй явно старше по званию, но разглядеть, в каком он звании я не мог.

Понимая, что это последний шанс, избежать дальнейших мучений, я продолжил.

– Командир отряда полковник, Яснов, он – контуженный, и у него вместо правой руки протез. А ещё его разжаловали за то, что дал в морду генерала, когда тот сказал, что его истребители первыми сбегут с поля боя. А ещё он внебрачный сын адмирала, – но договорить я не смог, так как меня стала трясти судорога.

– Что ему вкололи? – спросил старший.

– Сыворотку правды, двойную дозу, – ответил второй.

Последнее что я помнил, была фраза:

– Врача срочно!

Дальше я помнил урывками. Меня то трясло, то рвало, то меня опять било током. Расплывчатые лица в белых халатах и с масками на лице.

Из обрывков разговора я понял, что у меня отторжение лекарства, вколото мне во время допроса. Несколько раз я приходил в сознание под аппаратом вентиляции лёгких, но эти моменты были очень небольшими. И вот в один момент мои мучения закончились, и я очнулся на больничной койке в отдельном боксе, богато обставленном, в теле была невероятная слабость, а дышал я с огромным трудом, но самостоятельно. Моё пробуждение, тут же зафиксировал аппарат, подключённый ко мне, и я услышал слабый писк. В бокс тут же вошла медсестра и, увидев, что я очнулся, тут же ушла. Буквально через минуту ко мне вошло сразу три врача и стали тыкать в меня разными приборами и другими диагностами. Я молча терпел, не имея сил что-либо ответить и даже пошевелиться. Затем мне вкололи что-то в руку, и я заснул спокойным сном.

Второе моё пробуждение было уже намного приятнее. Тело уже не болело, а чувство сытости говорило о том, что меня кормили внутривенно, пока я спал.

Я прождал минут пять, размышляя, как я мог так вляпаться. Скорее всего, меня нашли после взрыва линкора и вытащили из кабины вражеского истребителя, приняв за вражеского пилота, а ребята из безопасности совсем безбашенные, они все кого-то потеряли из близких людей на этой войне. Поэтому разжалобить из совершенно невозможно.

Я тоже хорош. Надо было представиться, пока была возможность говорить.

В бокс вошёл, я даже не поверил сразу и попробовал проморгаться, пытаюсь рассмотреть мундир внимательнее. Адмирал флота. КОРТУШЕВ. Человек – легенда. Герой с большой буквы. Это он смог вывести почти всех беженцев,

оставшись прикрывать отлёт кораблей из Солнечной системы. Он настолько грамотно сражался и командовал остатками флота, и на своём корабле неоднократно бросался в самую гущу сражения, что его считали непобедимым. Его тяжелораненого эвакуировали на последнем транспортнике, оснащённом фотонным двигателем. Он национальный герой Центавры, и вот эта легенда входит ко мне в больничный бокс.

– Не дёргайся, сынок, лежи спокойно, – сказал он, усаживаясь на стул рядом с моей больничной койкой, после чего долго рассматривал меня.

– Заставил же ты нас поволноваться. Но всё хорошо, что хорошо заканчивается. Я здесь, чтобы прояснить некоторые моменты. Как тебе всё это удалось повернуть? Наши аналитики, когда нашли твой скафандр, и восстановили всю запись боя, не верили, что такое возможно. Ты даже не представляешь, что смог сделать. Ты, и только ты, смог выиграть это сражение. Выведа из строя линкор удачным попаданием всего одной торпеды, а затем ещё более невероятным попаданием в штабной корабль, именно в тот момент, когда у него на три секунды спало защитное поле от нашего попадания. А затем ты высаживаешься практически безоружным на поверхность линкора, находишь открытый люк, проникаешь на его борт и хладнокровно убиваешь ножом техника и пилота. Садишься в истребитель и ждёшь, когда появятся корабли пополнить боезапас. И в этот момент к кораблям цепляют сверхсекретное оружие, создающее сильнейший электромагнитный импульс. Подрываешь боезапас в центре построения вражеского флота именно в тот момент, когда наши корабли отошли на переформирование. Как итог, вражеский флот полностью обездвижен, и мы смогли его захватить остатками нашего флота. А ведь уже была отдана команда на эвакуацию ближайших станций и на призыв из резерва всех курсантов. Для последнего сражения.

Вот скажи, как? Как один человек смог это сделать? – спросил он, глядя на меня.

– Просто повезло, – сказал я.

– Нам бы побольше таких везунчиков, и смотришь, не пришлось бы покидать Солнечную систему, – сказал он.

Глава 3. Госпиталь

Награды ничего для меня не значат.

Моя награда — моя работа.

Кэтрин Хепберн

После ухода адмирала я смог впервые за последнее время осмыслить всё, что я тогда совершил. А ведь адмирал в чём-то был прав. Как я смог из вращающегося в разных плоскостях истребителя прицелиться и выстрелить настолько точно, чтобы поразить обе цели. Да мой истребитель находился недалеко от цели, но вращение не давало вообще шансов на прицеливание, ведь даже поймав в прицел корабль, пока я нажимал виртуальный курок на пуск торпеды, пока сигнал дойдёт до неё, пока она стартует с подвесок истребителя, для этого требуются десятки миллисекунд, и попасть можно только случайно. Но ведь я не просто попал, когда я нажимал на гашетку, я был уверен, что первая торпеда попадёт именно в уже повреждённый сектор линкора и взорвётся в глубине. А второй выстрел я проводил, вообще не видя цели. Точнее, я её видел у себя в голове, скрытой за тушей линкора, смог за доли секунды наложить траекторию и произвести пуск второй торпеды, а за секунду до того, как мой истребитель разорвало в клочья, я, почувствовав опасность, на автомате нажал кнопку катапультирования, хотя изначально не собирался этого делать. Я попробовал вспомнить то чувство уверенности, которое я тогда испытывал. Ведь в тот момент я точно знал, что все мои ракеты попадут в цель. И я был уверен, что выживу в этой битве. Как такое возможно, и откуда это у меня я не знал, но мне очень хотелось, чтобы это чувство повторилось в следующем моём сражении.

С этого момента моё выздоровление шло по нарастающей. Меня периодически осматривали врачи, постоянно кололи какими-то препаратами, от которых мне постоянно хотелось спать. Через день я уже мог есть самостоятельно, и это добавило мне настроения. Из начальства ко мне никто не приходил, на все вопросы врачи отвечали односложно, что мне нельзя волноваться, и поэтому меня запрещено беспокоить до моего полного выздоровления.

Как оказалось, мне уже восстановили все выбитые мне зубы и сломанный нос. Рана на ноге, куда меня ранило осколком, оказалась поверхностной, но имела шрам в виде звезды. Тогда скафандр затянул пробоину сам, а я в пылу боя на

это не обратил внимание. Когда я смог вставать и понемногу ходить, меня навестило руководство флотом.

Неожиданно для меня после обеда ко мне в бокс зашли сразу десяток человек, из всех присутствующих я был знаком только с полковником Яновым и с приходившим ко мне адмиралом Картушевым. Остальных вошедших я не знал, но по знакам различия здесь были командующий флотом, генерал службы безопасности, генерал воздушно-десантных войск, недавно избранный президент, а остальных я не смог разглядеть, так как они стояли за спинами вошедших.

- Как самочувствие у нашего героя? - спросил адмирал.

- Самочувствие нормальное, иду на поправку. Готов в ближайшее время приступить к тренировкам, - отрапортовал я, пытаюсь встать.

- Лежите, капитан, вам не стоит напрягаться, врачи ещё не рекомендуют вам нагрузки, - сказал незнакомый генерал.

- Младший лейтенант, - поправил я его.

- Вы неправы. Уже месяц как вам присвоено внеочередное звание капитана. Но так как у вас недостаёт необходимого образования, сразу после выздоровления вы направляетесь в офицерское училище для повышения квалификации. Но это ещё не всё. Вы награждаетесь орденом Центавры первой степени за уничтожения штаба флота противника. За вывод из строя флота противника вы награждаетесь орденом героя, вы теперь второй человек в Центавле, награждённый данным орденом. За ранение в бою, вы награждаетесь пурпурным сердцем. Помимо этого, вам положен отпуск в течение месяца после выписки. Ну, а теперь я дам слово представителю гражданского общества, нашему президенту Кио Сну.

- Я рад лично познакомиться с героем, спасшим миллионы жизней от гарантированной смерти. Приказ об эвакуации внешнего пояса был отдан с запозданием, и в любом случае, мы не сумели бы всех эвакуировать. Все граждане республики Центавра видели все ваши действия в том бою и выражают вам свою признательность за ваш героизм, который вы проявили, защищая республику от вторжения кораблей Земной Федерации. Вашей

фамилией называют новые корабли и строящиеся станции. Большинство новорождённых сейчас называют вашим именем. Вы стали нашим национальным героем.

И когда вас выпишут, я надеюсь, вы посетите все крупные города и колонии нашей республики. Ведь страна должна знать своих героев в лицо, – сказал президент, и я только сейчас увидел, что нас снимает висящий в воздухе мини-дрон. Поэтому я поспешил с ответом:

– Конечно, господин президент, я с удовольствием пообщаюсь с гражданами Центавры.

Президент радостно кивнул мне в ответ, и тут же развернувшись отправился на выход, а за ним и часть военных.

В боксе остались четверо, адмирал с полковником, которых я знал, маршал флота Громов, которого я знал по фотографиям, и незнакомый генерал службы безопасности.

– А теперь приступим к менее приятной беседе, но прежде чем высказывать своё мнение, я прошу выслушать до конца, – сказал маршал, и дождавшись моего кивка, продолжил.

– Эта неприятная ситуация, возникшая с вашим арестом, и последовавшими за этим допросами, известна сейчас узкому кругу лиц. Нам очень невыгодно освещать эту ситуацию, но и вы поймите тех офицеров правильно. Мы набираем туда людей, у которых очень сильная мотивация, они все потеряли близких в войне с Земной Федерацией, поэтому они не всегда могут адекватно реагировать на представителей противника, правильнее сказать, они их все ненавидят. В вашем случае, они ещё и попытались использовать препарат для стирания вам памяти, но у вас сработало аллергическое отторжение, и вы впали в кому. Когда удалось определить, кто вы на самом деле и достать записи боя из вашего шлема, вас сразу же перевели в больницу и оказали всю необходимую помощь. Мы очень вас просим не предавать этот момент вашей жизни огласке. Взамен генерал Цин, заведующий службой СБ, готов вам помочь в любом вопросе, входящем в его компетенцию, и чтобы подобное не повторялось в будущем, вам присвоено звание лейтенанта Службы Безопасности с открытой специализацией. Теперь сотрудники СБ не смогут вас даже задержать. Оба

виновника вашего ареста серьёзно наказаны. Капитан, который вёл ваш допрос разжалован в рядовые и отправлен в штрафной батальон на станцию дальнего обнаружения. Полковник, который пытался скрыть факты вашего задержания и допроса, разжалован в сержанты и отправлен в десантный батальон на самую окраину нашей системы. Они оба первыми встретят войска противника и смогут своей кровью искупить свою вину, – рассказал маршал.

– Я согласен не поднимать этот вопрос. Я был серьёзно ранен после взрыва и очнулся уже в госпитале, а что было между этими двумя моментами в моей жизни, я, надеюсь, забыл, – сказал я, и многозначительно посмотрел на генерала Цин.

Он в ответ кивнул мне и сказал вслух:

– Договоримся.

Что просить у генерала СБ я не знал, но иметь в должниках такую организацию всегда полезно.

Сразу после этого командующий и генерал вышли из бокса, адмирал Кортусев сказал:

– Давай, сынок, набирайся сил, и побыстрее приступай к учёбе. Нам твоё везение может ещё пригодиться в скором времени.

– А что там со вторым флотом Земной Федерации, о котором меня так упорно пытали? – спросил я.

– Вообще-то это секретная информация, но коль ты уже сотрудник СБ, то я тебе скажу.

По данным нашей разведки с окраины Солнечной системы, в районе планеты Плутон, стартовало два флота, и по идее, они должны были появиться одновременно у нас, но второй флот так и не прилетел. Радары дальнего обнаружения ничего не обнаружили, и где сейчас находится этот флот, нам неясно. Чтобы не поднимать панику, об этом факте умалчивают, но готовиться ко второй волне вторжения нам необходимо. Наш флот практически был

уничтожен в последнем сражении, но, благодаря тебе, удалось захватить достаточно много кораблей противника практически не повреждёнными. Сейчас идут работы по замене всей вышедшей из строя электроники, а также разрабатывается активная защита от электромагнитных торпед, которые выводят из строя всю электронику корабля. Параллельно с этим в республике вводится военное положение, все призывного возраста призываются на сборы в армию. Гражданские переходят на увеличенный рабочий день, вместо восьми часов – двенадцать. Обязательному призыву подлежат женщины призывного возраста. Поэтому отпуска как такового у тебя не будет. Только пару дней, но я лично просил командира лётного училища в эти дни предоставить увольнительную одной из его лучших курсанток.

– Спасибо, адмирал, – сказал я.

– Ну я пойду, если у тебя будут вопросы, звони или обращайся, данные тебе передадут, – сказал адмирал и вышел, оставив нас с полковником наедине.

– Ну как ты? Летать сможешь? А то врачи говорят что-то непонятное, нарушение в моторике, возможны нервные срывы и ещё всякую хрень, – спросил полковник.

Я торопиться с ответом не стал, так как заметил, что последствия пережитого для меня бесследно не прошли, у меня часто стало меняться настроение, причём происходило это внезапно и очень неожиданно. Помимо этого, я заметил лёгкую дрожь в руках. Вначале я не придавал этому значения, но постепенно состояния внезапной слабости и неконтролируемой судороги рук стали постоянным моим спутником.

– Я очень постараюсь пройти лётную комиссию. Без истребителя я не смогу. Обещайте, что попыгаете повлиять на комиссию, если результат будет спорный. Я ещё не отомстил за смерть моих родителей, – ответил я, с трудом сдерживая внезапную ярость, нахлынувшую на меня.

– Хорошо, есть у меня знакомый врач, он мне задолжал ещё тогда, так почему бы ему не вернуть долг, – сказал полковник, глядя на свой протез.

– Не расскажете, как вы потеряли руку, а то говорят всякое?.. – попросил я.

Он внимательно посмотрел на меня, о чём-то размышляя, но потом внезапно заговорил.

– Мы тогда вели эвакуацию на орбите Нептуна, там была старая исследовательская станция. Когда внезапно появились корабли федерации, я с напарником были единственным звеном истребителей в этом секторе, и нам пришлось принять неравный бой. В итоге сражения двух истребителей с нашей стороны и пяти со стороны федерации, мой истребитель подбили, но я сбил двоих, и мой ведомый сбил ещё двоих, после чего оставшийся с повреждениями отступил, а мне пришлось катапультироваться, но катапультирование прошло не штатно, и колпак не отстрелился полностью, одна его часть не отлетела, вот об неё меня и приложило, помимо перелома, обогрев скафандра на правой руке отказал. Когда прибыли спасатели и доставили меня в ближайший госпиталь, уже началась гангрена и некроз тканей. Врач сразу предложил отрезать руку по плечу, а это автоматически ставило крест на карьере пилота, а я, как и ты, рвался мстить этим тварям, за смерть своей жены и сына. Но меня не слушали. Я тогда устроил истерику и даже угрожал доктору пистолетом, но мне вкололи снотворное, и проснулся я уже без руки. Тогда я чуть не прибил врача, даже одной рукой умудрившись его вырубить, но меня остановили. Я неделю провёл привязанным к койке, пока не смирился с потерей. Меня тогда отмазали от трибунала, но доктор потом ещё долго навещал меня и извинялся за это, хотя и признавал, что отрезал бы её в любом случае, в тех условиях сохранить мою руку возможностей не было, – рассказал он. И мы сидели так минуты три, пока он не добавил,

– Но ты борись, сынок. До конца иди. Я верю, ты выдержишь. Не посадят на истребитель, садись на торпедоносец, он тихоходный и не манёвренный, но пройдёт время, и твой молодой организм обязательно восстановится. И да я тут тебе подарок привёз, до вечера только вы это... здесь не шалите, – сказал полковник, вставая и незаметно стряхивая слезу с края глаз, после чего вышел из бокса, и сразу же после него вошла Лиза. В лётном костюме, с идеальной фигурой и короткими светлыми волосами.

Глава 4. Лавры победителя

Невозможно всегда быть героем,

но всегда можно оставаться человеком.

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Войдя и увидев меня, она сразу же бросилась ко мне. Я обнял её, и мы замерли в страстном поцелуе, настолько долгом, что от недостатка кислорода у меня закружилась голова. С трудом оторвавшись друг от друга, мы долго смотрели в глаза друг другу, после чего Лиза не выдержала и, обняв меня за шею, разревелась. Я стал гладить её по голове, пытаюсь успокоить. Когда через десять минут, она смогла взять себя в руки, то рассказала, что ей пришлось пережить за время нашего расставания с ней.

– Когда объявили тревогу и меня направили на авианосец в составе первого флота, то всех молодых курсантов перевели вместе с тренировочным носителем, где проходили обучение пилоты, вглубь системы. Я пыталась подать рапорт о переводе в действующую армию, но получила отказ.

Известие о вторжении флота Земной Федерации застало меня на тренировке, и о начале вторжения я узнала с опозданием. Все курсы космической академии в итоге бросили занятия и следили за развитием событий. Как имеющие допуск и для понимания особенностей боевых действий им на экран выводилась реальная картинка происходящего. Мы видели, что флот, вошедший в систему Центавры, был в три раза больше флота, её охранявшего. Да с самого начала боя было видно преимущество наших истребителей и военных кораблей над противником, но количественное преимущество всё равно сказывалось на исходе боя. Постепенно потери стали возрастать, и вот от флота практически ничего не осталось. Но внезапно происходит попадание торпеды вначале в линкор, а затем и в штабной корабль, это вселило надежду, что противник отведёт войска на передислокацию и нашим удастся провести эвакуацию ближайших станций. Но через полчаса неожиданный взрыв электромагнитной фотонной бомбы выводит из строя весь уцелевший флот противника. Как раз в это время пришёл приказ мобилизовать всех курсантов для помощи. Я сразу же, как появилась возможность, отправила запрос на тебя, но получила отказ, так как данных на тот момент ещё не было. Пока мы летали, собирая спасательные капсулы и перевозя отряды абордажников на борт обездвиженных кораблей, пришёл ответ на мой запрос, в котором сообщалось, что младший лейтенант Волков погиб смертью храбрых, ценой своей жизни уничтожив штабной корабль и повредив Линкор. Когда у меня появилось время. Я со своими подругами занялась анализом с различных дроидов и систем мониторинга в месте гибели твоего

корабля. Так как тебя хорошо знали в нашем отряде, то мне помогали все свободные от дежурств и лётных заданий. В итоге мы смогли выяснить, что ты не погиб в своём истребителе, а сумел добраться до линкора. Эти данные мы сразу передали твоему руководству, и они занялись твоим поиском. Проблема состояла в том, что электромагнитный импульс вывел из строя всю электронику и аварийные маяки. Но твою фамилию в итоге сняли из списка погибших, поместив её в список пропавших без вести. Потом потянулись тягостные дни неизвестности. Я ходила как во сне, меня даже отстранили от полётов и отправили к психологам, которые запретили мне летать в течение месяца. И только через пять дней сообщили, что ты жив, но находишься на грани смерти и жизни. К тебе никого не пускали, я даже просила ректора нашей академии выбить свидание с тобой, но даже ему отказали, сказав, что твоё дело рассматривается в службе разведки и в службе безопасности. А потом внезапно по всем каналам центрального телевидения показали твой геройский бой на истребителе и то, как ты уничтожил флот противника. Тебя показывают каждый день, сделав из тебя национального героя, который по популярности превзошёл адмирала Картушева, спасшего беженцев, когда мы бежали с Солнечной системы.

Дальше почти месяц о твоём состоянии ничего не сообщалось. Передавали, что состояние героя стабильно тяжёлое. И только на той неделе сообщили, что ты пошёл на поправку. Я тогда рискнула и написала самому адмиралу Картушеву с просьбой помочь увидеться с тобой, сообщив, что я – твоя девушка и представляешь, он позвонил мне сам и рассказал, что поможет увидеться с тобой, а также рассказал, что видел тебя лично и ты идёшь на поправку. После этого я летала всю неделю как на крыльях. За мной лично прилетел адмирал, чтобы отвезти меня к тебе. По дороге он и рассказал, как тебя удалось найти. В ангаре, где произошёл взрыв электромагнитной торпеды, нашли следы твоего днк – капли крови на полу, а потом и в кабине вражеского истребителя. Но данные о происходящем в ангаре были уничтожены, причём уже после транспортировки корабля к ремонтным докам. Это вызвало много вопросов, и тут СБ начала вставлять палки в колёса. Но в итоге этим делом занялась собственная безопасность СБ, которая быстро нашла тебя в одном из лазаретов, что было дальше мне не сказали, взяв обещание об этом не распространяться. Дальше нашли твой пилотный скафандр и восстановили запись твоих геройских действий. Часть из них даже показали по центральному телевидению. Теперь ты – национальный герой, – закончила она свой рассказ.

После этого я слушал, как она рассказывала о своей учёбе и об отношениях со сверстницами, а я просто сидел в кровати и любовался ей. Впервые у меня на

душе было спокойно и хорошо. Мы просидели до позднего вечера, и она сама кормила меня с ложечки, отвергнув мои попытки есть самостоятельно. За всё время общения с ней у меня даже ни разу не было перепадов настроения и не тряслись руки. А под вечер к нам зашёл полковник, и Лиза отправилась с ним в училище. На прощанье сказав, чтобы я выздоравливал, меня ждут в лётном отряде после офицерских курсов.

Когда все ушли, я занялся осмыслением всего произошедшего со мной. В ближайшее время мне предстоит учёба в офицерском училище, это уже своего рода путь к аристократии. Как таковой аристократии у нас нет, но высшее офицерское сообщество имеет много привилегий, перед остальными слоями общества. Для них даже суд отдельный, и, к примеру, по отношению к гражданским лицам им многое позволено. Привилегии есть и в приобретении жилища, а также доступа к закрытым клубам и торговым центрам. Само звание капитана, вручённое мне, не даёт права учиться в подобном заведении. Туда можно попасть только по особому распоряжению и протекции. Бывает, что там учатся и лейтенанты, но очень редко. Всё это говорит о том, что меня туда примут по протекции очень высокопоставленного человека. К примеру, даже выбранный недавно президент не имеет доступа в такие места. Ещё один момент, который меня беспокоил, это, что попросить у генерала СБ, такой вопрос лучше не откладывать, ведь генерал может и поменяться или погибнуть, тем более, что идёт война. С кого мне потом спрашивать обещанное? Чтобы ответить на этот вопрос, надо задаться вопросом, а чего я хочу от жизни. До потери родителей я строил множество планов, чем я буду заниматься и как построю свою жизнь. Но теперь все эти планы мне кажутся какими-то мелочными. По правде сказать, себя я видел в армии в защите Центавры. Лётному делу меня научили и довольно неплохо. В офицерском училище меня научат руководить любым подразделением, любых видов войск. Тут я вспомнил свои страхи и, по сути, беспомощность на борту вражеского линкора. Я не знал, что мне делать, как действовать и что предпринять. Да и противника я смог убить, так как он был на голову ниже меня. Встреть я десантника, то шансы убить его внезапно со спины равнялись бы пятьдесят на пятьдесят, а если бы он заметил меня, то мой пистолет мог оказаться бесполезной игрушкой. Можно попросить научиться приёмам штурмового боя, но этому может научить любой десантник на пенсии, подрабатывающий инструктором. Тогда надо просить обучить меня «бою с тенью», особый курс подготовки разведчиков и диверсантов. Знания секретные, но являясь сотрудником СБ, я по идее могу его изучить. Там как раз много про захват транспорта противника и действия в тылу, включая корабли и другие средства перемещения. А самостоятельно могу попробовать освоить компьютерные системы и шифрование со взломом.

Определившись с ближайшими целями, я опять вернулся к Лизе, что ждёт меня в будущем, я не мог даже предположить, но, если она согласится связать свою судьбу со мной, я определённо буду этому рад.

С этой мыслью я и заснул, а с утра началась усиленная работа. Проверив мою реакцию и проскандировав общее состояние организма, врачи дали разрешение на посещение зала для реабилитации. Теперь моя жизнь свелась к тренажёрному залу, столовой и сну. В зале занимался я один, и это вначале меня напрягало, но потом я перестал обращать на это внимание. По мере увеличения физических нагрузок нервные срывы и дрожь в руках постепенно отступали. Две недели я приводил себя в порядок, и в итоге меня выписали из госпиталя, и теперь мне предстояло пройти допуск на симуляторе истребителя у себя в части.

Облачившись в новый мундир капитана космических войск, почему-то выданный мне парадного, белого цвета. Я направился в регистратуру, забрать документы.

Билет для меня был заказан заранее, мне предстояло перелететь с этой космической станции, носившее название Белый Лотос с населением в сто миллионов человек, на другую подобную станцию, носившую название Адмирал Кортусев. Вообще, названия гражданских станций часто были красочными, а вот военные, как правило, носили имена погибших героев.

Поэтому я, ни о чём не беспокоясь, получив документы, отправился на выход из госпиталя.

Когда входные двери только открылись, я понял, как же я глубоко ошибался, и мне стала понятна загадочная улыбка врача в регистратуре.

За дверями меня ждала огромная толпа людей, преимущественно гражданских. На меня посыпались конфетти и лепестки цветов. Люди занимали весь проход шириной двадцать метров, и толпа встречающих меня скрывалась за поворотом. Ко мне сразу же подошёл видевший меня президент и обнял меня как старого знакомого, и прошептал мне на ухо, не убирая с лица свою улыбку:

– Да улыбнись ты уже. Люди собрались ради тебя. Места занимать начали три дня назад. Не порти людям праздник.

Я быстро пришёл в себя и нацепил дежурную улыбку. К нам сразу же бросились репортёры и начали засыпать меня всевозможными вопросами, а я на автомате отвечал, даже не понимая, что толком говорю. Весь последующий калейдоскоп событий я практически не помнил, но память зафиксировала некоторые моменты.

Ключи доступа от новой квартиры в пять комнат с оплаченным на десять лет содержанием от местных властей на этой станции. Сопровождавшая меня толпа репортёров менялась, и поочерёдно задавали мне различные вопросы, я при этом продолжал двигаться в сторону причальных доков, но меня внезапно чуть не на руках занесли в какой-то огромный зал ресторана и усадили за стол. Пить я сразу же отказался в категоричной форме, на вопрос, как мне попасть на свой транспорт, мне ответили, что вопрос улажен и он будет ждать столько, сколько нужно.

Мне пришлось встать и сказать несколько стандартных тостов и фраз. Честно говоря, меня вся ситуация сильно напрягала, так как я по жизни привык к одиночеству, а такое внимание не позволяло чувствовать себя нормально.

Постоянно тараторящий репортёр в виде симпатичной, молодой девушки, вещал рядом со мной, не переставая, всё с момента моего выход из госпиталя транслировалось по всем каналам в прямом эфире, поэтому мне приходилось сдерживать себя и контролировать свои ответы.

– Мы для нашего героя подготовили несколько самых красивых девушек нашей станции, чтобы он мог выбрать себе спутниц на сегодняшний вечер, он может не стесняться и выбрать сразу нескольких из них, они будут рады скрасить ему одиночество, – произнесла в очередной раз репортёр, и я понял, что пришло время вмешаться и брать всё в свои руки.

– Хочу заметить, что у меня уже есть девушка и мы любим друг друга, поэтому прошу меня простить, но компания столь красивых девушек мне не нужна, – сказал я, но мне не дали продолжить.

– Это, конечно, печальная новость для большинства из нас, но вы можете что-нибудь рассказать о ней и показать нам её фотографию, у вас лётчиков ведь всегда есть с собой фото симпатичной девушки.

– К сожалению, её фото сгорело вместе с истребителем после того, как я выпустил обе оставшиеся торпеды по противнику.

– О! Расскажите об этом. Всем присутствующим и зрителям будет очень интересно, как всё было на самом деле. Ведь по кадрам так сложно понять, что же происходило на самом деле, только военные специалисты смогли объяснить, что произошло, но они же и утверждали, что это невозможно было совершить.

Глава 5. Национальный Герой

Герой – это живое воплощение всего, что есть лучшего в человеке,
а лучшее – это борьба за мощь, за изобилие, за счастье страны и народа.

А. Толстой

Когда вражеский флот вошёл в нашу систему, всех, кто способен управлять истребителем или торпедоносцем, отправили на дальнюю станцию, где базировался флот. Там нас перевезли на один из авианосцев или как некоторые говорят – носитель. Первоначальные данные разведки сообщали, что противник имеет преимущество на десять процентов, и мы рассчитывали на успех, тем более, что класс кораблей был устаревшим, но уже перед самым сражением стало понятно, что разведка ошиблась в своих данных. Количество кораблей оказалось почти в три раза больше, поэтому наш технический перевес нивелировался численностью противника. Но вариантов не было, и мы отправились в бой с одной лишь целью – забрать с собой как можно больше противников с собой.

Меня назначили ведомым к командиру бригады, мы успешно делали вылет за вылетом, моей основной задачей было прикрывать командира, а он охотился на крупные корабли.

Мы сделали шесть вылетов, и я смог сбить девять истребителей противника, но при очередном заходе на пополнения боезапаса, мне подвесили две торпеды и

две ракеты перехватчика. Приказ командования был однозначным – игнорировать истребители противника и любой ценой уничтожить вражеский линкор и штабной корабль.

В это время противник смог прорвать наше заграждение, и его торпедоносцы успешно отстрелялись по нашим кораблям. Фактически бой уже был проигран, так как все наши крупные корабли были выведены из строя.

Мы отправились на прорыв, и на подходе к зоне контролируемой противником я получил приказ разделиться и действовать по обстоятельствам.

На подлёте нас встретило около тридцати истребителей противника, которые тут же набросились на нас, мой командир смог сбить пять истребителей прежде, чем его истребитель разорвало на части. Я сбил двоих, но меня зажали и подбили, но истребитель не взорвался, хотя двигатель отказал, и правая сторона истребителя была уничтожена.

Мой истребитель быстро вращался в разных плоскостях, и я уже прощался с жизнью.

Но никто не торопился меня добить, и тут я увидел рядом корпус линкора, поэтому собравшись, я представил, как вылетает ракета и куда она полетит при таком вращении, после чего, выждав удобный момент, нажал на пуск ракеты, как только ракета ушла, заработал радар и сообщил о наличии ещё одного корабля за линкором, я ввёл координаты и, дождавшись, как мне показалось нужного момента, нажал на пуск и сразу же на катапультирование. Взрывом меня откинуло в сторону корабля противника, и в тот же миг сработала вначале одна торпеда, а затем и вторая. Меня приложило осколками, но ранения были поверхностные. Мне повезло, что катапульта выстрелила в сторону линкора, поэтому мне хватило топлива в аварийном кресле, и я смог выровнять скорость и прицепиться к корпусу корабля. Затем я отправился в сторону лётной палубы, чтобы потратить последние патроны на противника, ну а дальше вы, наверное, видели. Я использовал открытый люк ремонтников, проник на корабль, ликвидировал сначала механика, затем pilota и, забравшись в истребитель, дождался удобного момента и выстрелил в склад торпед, в результате чего произошёл мощный электромагнитный импульс, обездвиживший весь оставшийся флот противника.

В результате взрыва я потерял сознание и очнулся уже в госпитале, где врачи спасли мне жизнь, буквально вытащив с того света. Вот собственно и всё, – сказал я.

– Теперь вы – национальный герой. Ваши действия дали возможность спасти сотни тысяч, а возможно, и миллионы жизней. И куда вы направляетесь после госпиталя, где вы будете отдыхать?

– К сожалению, на отдых нет времени, надо готовиться к отражению следующей атаки противника, а моя физическая форма не в лучшем виде. Поэтому я направляюсь на полигон, где пройду проверку на допуск меня к полётам на истребителе. А там, если мне и предоставят отпуск, то на два-три дня, – ответил я на вопрос репортёра. – К сожалению, мне действительно нужно идти, праздновать победу пока ещё рано, нужно готовиться к новому сражению.

– Вы хотите нас покинуть, а как же концерт в вашу честь? Ведь ради этого мы здесь и собрались, – спросила удивлённая репортёрша.

– Празднуйте, но я считаю, что, пока есть угроза нового вторжения, надо не праздновать, а заниматься делом, – сказал я и, встав из-за стола, направился на выход.

Мне действительно нужно было уйти. Я не мог находиться среди людей и видеть, как они воспринимают эту войну. Мы едва не проиграли не только сражение, а всю войну, а они этого так и не поняли. Сейчас не время для веселья. Наш флот фактически разбит, и если появится такой же по размеру флот противника, то нам нечем будет его встретить.

До причальных доков я добрался очень быстро, чтобы ускользнуть от толпы поклонников, я воспользоваться обычным такси. В доке я, пользуясь своим офицерским пропуском, прошёл через технический вход, так как перед пассажирским терминалом была толпа людей, и как я догадывался, они все ждали меня.

Регистрацию я прошёл без проблем, как оказалось, я летел бизнес-классом, поэтому я надеялся, что меня там беспокоить не будут, но я глубоко ошибался. Когда я вошёл в пассажирский отсек бизнес-класса, то увидел, что там все сорок девять мест, заняты представительницами прекрасного пола. Увидев меня, они

все внезапно замолчали и посмотрели в мою сторону, как кошки на мышку. То, что они пришли сюда ради меня, я уже не сомневался, поэтому, не останавливаясь, я прошёл к пилотской кабине и, приложив удостоверение, отправил запрос на её посещение. Что удивительно, дверь открылась сразу, как я приложил удостоверение, не успев послать запрос. Я сразу же воспользовался этим и, когда дверь закрылась, с облегчением вздохнул. Но радовался я рано. В кабине шаттла весь экипаж состоял из девушек, одно было хорошо – экипаж состоял из четырёх человек.

– Я же говорила, что он сразу бросится сюда, а вы мне не верили. Так что вы проиграли, и я первая за ним ухаживаю. Мы очень рады видеть такую знаменитость на нашем корабле, проходи, присаживайся рядом с пилотом в соседнее кресло, мы готовы исполнить любое твоё желание, – сказала симпатичная девушка в форме старшего лейтенанта и с нашивками капитана корабля.

– Что вообще происходит, вы мне объясните, а то я ничего не понимаю? – сказал я, усаживаясь в кресло второго пилота.

– Ты бы знал, какая война происходила за право купить билет на рейс с тобой? Его можно было приобрести только по знакомству, деньги же никто не считал. Ты сейчас самый завидный жених в этой системе. Мне, к примеру, пришлось напрямь все связи дяди, чтобы перевестись на этот шаттл, и это только ради возможности взглянуть на тебя, а на что пошли другие члены экипажа, я даже боюсь подумать, – ответила капитан корабля.

– Но ведь у меня уже есть девушка, и я не собираюсь менять её на другую, тем более, что у нас всё серьёзно, – ответил я, чувствуя себя как дичь, на которую вышел охотиться крупный хищник.

– Ну это не помеха. В крайнем случае, любая из нас согласится стать твоей любовницей, – сказала она, при этом наклонившись так, что расстёгнутый комбинезон дал возможность оценить её четвёртый размер груди.

– Я сказал, что у меня уже есть девушка и менять её на любую другую, я не собираюсь, – ответил я, отводя взгляд в сторону.

– Ну хотя бы по одному поцелую, – не отступала она.

- Нет.

- Ну тогда оставь хоть автограф, - продолжала она свой напор.

- В конце полёта, если он пройдёт без эксцессов, - твёрдо сказал я.

В этот момент вмешалась вторая девушка, сидящая сейчас на месте пилота и выводящая шаттл из ангара станции:

- Я же говорила тебе, Мелиса. Он достоин звания Героя. Таких, как он, на сладкое не возьмёшь. Таких можно только заполучить, только став хорошим и надёжным другом, только тогда появится ма-а-аленький такой шансик. Да ты не бойся, никто тебя здесь не покусает, а то я смотрю, ты вцепился в рычаг катапультирования, он всё равно отключён. Но ты сам согласишься, мы же должны были попробовать, ведь такой шанс выпадает один из ста миллионов.

- Да вы все маньячки какие-то. Вокруг что мужиков кроме меня больше нет? Как мне теперь назад при посадке идти? Они ведь меня разорвут на сувениры, - спросил я.

- Давай так, ты нам расскажешь, что-нибудь из твоей жизни, что не смогут выкопать репортёры, а мы проведём тебя через аварийный выход? - предложила первый пилот.

- И что вам рассказать, мою биографию я уверен уже исследовали под микроскопом.

- Тогда про своих родственников, ведь у тебя наверняка был кто-нибудь не менее достойный?

Я задумался на время, а потом решился:

- У меня был прадед, которого, как утверждают родственники, забрали инопланетяне, или он провалился во временную воронку. Здесь мнения расходятся. Ещё до освоения солнечной системы, мой прадед, его, кстати, звали Михаил Волков, прогуливался днём по пляжу. На небе не было ни одного облака, как внезапно в него ударила молния, а потом в место, где он стоял, молнии

стали бить не прекращаясь. Они били очень долго, но, когда всё закончилось, на месте удара молний не обнаружили даже тела, но, что самое странное, и следа удара самих молний на берегу не обнаружили. Это происшествие попало на видеокамеру, и там было видно, как тело прадеда поднимается в воздух и исчезает. Потом понаехали учёные, и вроде как нашли временную аномалию, которая потом исчезла. Но толком так выяснить ничего не удалось. Официально его признали погибшим и даже устроили похороны. Прабабушка потом говорила, что он ей часто снился. Рассказывала об огромной империи и о войне, которая закончилась разгромом всего человечества. Говорит, что видела его жён и детей, а также инопланетных существ, напоминающих наших жуков и пауков. Это пересказывал мне мой отец за год до того момента, как они погибли на станции. Вот собственно, и всё.

– Очень интересная история, но её лучше не афишировать, а то у нас есть повернутые на этом люди, они могут посчитать что ты сам пришелец. Тем более, после твоих невероятных походов.

Тут в разговор неожиданно вмешалась третья девушка.

– А скажи, там в подбитом истребителе и на вражеском корабле тебе было страшно?

– Если честно, то да. Когда меня подбили, я ждал ещё один выстрел, который должен будет добить меня, но противник отвлекся на другие цели, и меня оставили в покое. Я сумел подавить свой страх, мне в этом помогла уверенность, что я уже умер и злость, что я не смог отомстить за смерть родителей. А потом у меня уже появилась цель – разменять свою жизнь подороже. И мне это удалось, только ещё я умудрился выжить. Теперь я хочу окончить курсы по рукопашному бою и по диверсионной работе в тылу противника. Ведь я на самом деле тогда растерялся, и мне повезло, что я не нарвался на профессиональных десантников, иначе они бы уделали меня в считанные секунды, – ответил я, рассматривая из кабины пилотов, окружающий нас космос, по которому я уже соскучился. Мне очень хотелось сесть в кабину истребителя и выдавить из него всё, на что он способен.

Видя, как я смотрю в лобовой иллюминатор с выведенными на него тактическими данными полёта, капитан сказала:

– Хочешь порулить?

И дождавшись моего кивка, приказала:

– Первый пилот переведите управление на второго пилота, – и добавила уже мне. – Ты только поаккуратней, здесь скорости другие и противоперегрузочного геля нет.

Я кивнул и, взявшись за штурвал, немного повернул его, выравнивая траекторию полёта. Блаженство от ощущения корабля, который повинуется твоему импульсу, было непередаваемое. Это может ощущать только пилот, и хоть скорость была черепашья по сравнению с истребителем, меня всё равно наполнила небывалая радость. Так я провёл за рулём почти полчаса, пока внезапно у меня не задрожали руки, я попробовал сконцентрироваться, но от попытки взять тело под контроль, у меня внезапно из носа пошла кровь. Это вовремя заметила первый пилот и вовремя перехватила управление, сообщив об этом. Я сразу же отпустил штурвал и откинулся назад, чувствуя невероятную усталость.

Капитан отстегнула страховку и, встав со своего кресла, подала мне вату с медицинским гелем. Поблагодарив её кивком, я засунул ватку на пять секунд в обе ноздри, после чего выкинул в утилизатор. Все с вопросом уставились на меня, а я, закрыв глаза, откинулся в кресле и, подождав, когда дрожь уйдёт, сказал:

– Это последствия взрыва и ранений, я думал, что всё прошло, но... – сказал я, оборвавшись на полуслове.

Так в тишине прошло минут пять, пока капитан не сказала,

– Ты не сдавайся. Я уверена, что это пройдёт. Мы все в тебя верим. Ты, главное, борись до конца, как там, когда уже думал, что уже всё. Не дай этому сломить тебя. У меня деда тоже контузило, и его отстранили от полётов, так он каждый год подавал на пересдачу допуска и через одиннадцать лет его получил. Ты, главное, не сдавайся.

– Не сдамся! – сказал я и, закрыв глаза, попробовал заснуть.

Глава 6. Переаттестация

Разум всегда сдаётся первым, не тело.

Секрет в том, чтобы заставить твой разум работать на тебя,

а не против тебя.

Арнольд Шварценеггер

Вылетели двойкой, я – ведущий, за мной ведомым инструктор. Задание – перехват звена истребителей противника. Сразу же ускоряюсь, набирая скорость, иду на максимуме, отслеживая таймер на экране. Двадцать шесть минут мои, что будет дальше, я не знаю и не хочу проверять, сегодня первый экзамен, и я не должен его завалить. Звено противника разворачивается нам на встречу, вдавливаю педаль газа в пол, расслабляю тело насколько возможно и пытаюсь слиться с истребителем, как тогда в бою, но получается плохо. Так как это муляж, тогда стараюсь слиться с капсулой тренажёра, прочувствовать каждый сенсор, каждый элемент конструкции, с трудом, но получается, корабли сближаются на невероятной скорости, от ведомого поступает запрос, что делать, я, не отвлекаясь, внимательно смотрю за приближающимися истребителями, параллельно отдаю приказ: «Делай как я». Ловлю момент и произвожу запуск всех четырёх ракет по сложной траектории. Сразу включаю боковые стабилизаторы правого борта на максимум, выкручиваю штурвал налево и даю форсаж. Меня вдавливают в кресло, перегрузка зашкаливает, я замечаю, как ведомый с запозданием выполняет мой манёвр. Не смотря на результат я на полном ускорении лечу на базу. Стыкуясь с заправщиком, я отмечаю, что на бой потрачено восемь минут, значит, запас ещё есть. Дисплей сообщает, что все четыре ракеты поразили цель. Не дожидаясь, когда ведомый произведёт заправку и пополнение боезапаса, я несусь к следующей точке встречи с противником. Следующая цель. Торпедоносец и четыре истребителя, задача – помешать отстреляться торпедоносцу или уничтожить его. На полной скорости несусь на встречу им. Напарник ещё на заправке, но он мне и не нужен, сейчас работа нужна тонкая, ракет всего четыре, а целей пять. Взгляд на табло, ещё шестнадцать минут, значит, должен успеть. Беру в прицел дальний истребитель, закладываю траекторию первой ракеты с заходом на три цели и

поражение четвёртой. Начинаю пристрелку с дальней дистанции из плазменных орудий обоих бортов. С такой дистанции причинить вред практически не могут, но против меня курсанты, они отклоняются в сторону пытаюсь избежать попаданий, делаю воронку из выстрелов, в виде улитки по сходящейся к центру, и даю пуск ракеты. Истребители противника попадают в неё, прижимаясь к торпедоносцу, с которого начинается в мою сторону непрерывная стрельба из плазменного орудия. Но я уже сделал, что хотел, даю форсаж с разворотом и ухожу в нижнюю плоскость. Сразу же открывая огонь по второму истребителю и закладывая сложную траекторию атаки на торпедоносец со сменой цели на подлёте. В это время первая цель поражена, выход на дистанцию огня, несколько раз резко меняю свою позицию, на предельной нагрузке и вынуждаю два истребителя развернуться мне на встречу, третий прикрывает торпедоносец, так как мой напарник, кроя меня, на чём свет стоит, несётся на перехват торпедоносца. Опять повторяю свою воронку из выстрелов обоих орудий, но торпеду нацеливаю выше воронки, где должен вынырнуть один из истребителей. Избегая ловушки, оба берут выше и выходят в верхнюю плоскость эклиптики, ближайший из них попадает под торпеду и взрывается, его напарник наугад выпускает две торпеды, но я, уже включив форсаж, выхожу из зоны поражения и разворачиваюсь к торпедоносцу, заходя с задней плоскости, при этом начал качать лесенку с постоянным сближением и сменой высоты. При этом дожидаюсь, когда сзади начнёт приближаться третий противник, затем включаю систему экстренного торможения с препятствием, в глазах темнеет, выкручиваю руль, и боковыми стабилизаторами в носу и на хвосте даю полную мощность, но в разном направлении, истребитель с огромной вибрацией разворачивается на месте и летит хвостом вперёд, я ловлю в прицел корабль противника и, стреляя из плазменной пушки, пускаю третью ракету, затем повторяю повторно ещё раз этот манёвр. Корабль разворачивает, но несколько стабилизаторов выходят из строя, и мигает критический перегрев двигателя, сбавляю мощность и смотрю где противник, оказывается, он выходит на линию прицеливания для пуска ракет по гражданскому кораблю. Последний истребитель связал боем моего напарника, не давая ему возможности приблизиться к нашей основной цели. Но я уже в хвосте и взял противника на прицел. В меня попадает несколько выстрелов, которые просаживают щит истребителя на шестьдесят процентов, но я не обращаю внимание, пытаюсь загнать свою цель в клещи из выстрелов своих пушек. Несколько удачных попаданий заставляют его выйти в зону уверенного поражения, после чего я нажимаю на пуск и делаю крутой разворот на помощь моему напарнику. Тот крутится как юла, но у него уже практически снят щит, от ракет успевают увернуться оба. Я захожу с верхней полусферы и, прицелившись, делаю два выстрела и сразу ухожу, опять на форсаже. От перегрузок я не чувствую своего

тела, а дышу на принудительной вентиляции лёгких, которая в буквальном смысле вдавликает в меня воздух. Такие перегрузки очень опасны, но моё время на исходе, осталось не больше минуты. Я опять стреляю несколько раз в места, куда должен сманеврировать истребитель, и он буквально насаживается на мой выстрел и переключается на меня, чем сразу же пользуется мой напарник, пуская сразу две ракеты, и одна из них уверенно проходит щит и взрывается в хвосте корабля. На этом бой завершается, и я оказываюсь в кабине симулятора. Сразу же начинает откачиваться гель, и открывается шлем. В воздухе пахнет горелой изоляцией, и мигает знак неисправности кабины. Взглянув на табло, вижу, что мне оставалось ещё двадцать секунд. После чего закрываю глаза и откидываюсь на пилотское кресло. Сразу же вспоминаю то, что произошло неделю назад.

Когда я прилетел на станцию и окольными путями смог проникнуть в сектор для военных, я отправился в училище по переподготовке пилотов после ранений. Полковник принял меня радушно и даже предложил отдельный кубрик, но я отказался, сказав, что буду, как и все, на общих условиях, чем похоже смог завоевать его расположение. Мысли о том, что я не пройду лётных программ обязательных для курсантов, заставила меня серьёзно беспокоиться, поэтому разложив вещи в кубрике на шесть человек, я направился к полковнику и обратился к нему.

– Сэр, разрешите маленькую просьбу?

Он посмотрел на меня и, скрывая разочарование, спросил:

– Какую?

– Дело в том, что я долго лежал в госпитале и мои навыки сильно упали. У вас есть обезличенная карта допуска к тренажёру. Я не хочу опозориться на первом же тесте, поэтому мне нужно опробовать свои возможности, и я не хочу, чтобы об их результатах, кто-нибудь узнал? – ответил я.

Задумавшись на минуту, он отправился в свой кабинет и вынес обезличенный пропуск пилота.

– Ко мне иногда обращаются из ветеранов, но позориться не хотят, поэтому просят обезличенный пропуск. После занятий вернёшь. Надо будет, ещё

обращайся. Там стоит трекер, который стирает все записи и логи после завершения занятий, – сказал он, после чего протянул мне пропуск.

Я сразу же отправился на тренажёр и задал обычный полёт с фигурами высшего пилотажа.

Всё шло нормально, но на двадцать шестой минуте начала кружиться голова и трястись руки. Я пытался сохранить контроль, но это только усилило эффект. В итоге я разбился, врезавшись в астероид. Мне потребовалось пятнадцать минут, чтобы прийти в себя и запустить симулятор заново. Второй раз мне хватило двадцати трёх минут до того, как меня стало подводить моё тело. Чего я только не перепробовал, но в итоге, после десяти попыток, я не смог запустить тренажёр. В этот день я отправился спать, а проснувшись ночью, думал, как мне быть. Под утро я придумал, что делать. На прохождение задач везде даётся контрольное время в один час, значит, чтобы пройти тренажёры мне придётся уложиться в двадцать шесть минут. И до сдачи как минимум шесть часов не летать. Поэтому с утра я отправился проходить медицинскую комиссию, после чего мне выдали первое полётное задание. В день нужно будет проходить одно два задания, поэтому я должен справится. Все локации были давно известны, поэтому время на отработку тактики у меня было предостаточно. Сегодня я прошёл предпоследнее задание. И с трудом, но уложился в нужное время. Завтра предстояло самое трудное. Массовый бой, пятьдесят участников на пятьдесят, на это отводилось два часа и давалось неограниченная возможность заправки и пополнения боезапаса. Здесь для меня было два варианта, либо сбить как много больше кораблей противника и потом подставиться под выстрел, но это не очень хорошо для меня, так как меня уже прозвали Зверем. А соответствовать имиджу на флоте было очень ценно.

Все последние мои бои собирали толпы зрителей, не только курсантов, но и офицеров из учительского состава.

Но я зря переживал, случай выкрутиться из этой ситуации мне дал сам руководитель центра переподготовки, который и дал мне обезличенную карту допуска.

Когда я умылся и вышел из тренировочной зоны, ко мне подошёл полковник и попросил меня на беседу.

Мы вошли в его кабинет, и он предложил мне присесть, после чего долго смотрел на меня, не решаясь начать разговор.

Хотя я его прекрасно понимал. Я своим участием в сдаче экзаменов серьёзно подпортил показатели целому курсу. Со мной никто не хотел сражаться добровольно, так как я разделявал всех под орех.

– Я долго наблюдал за тобой и не могу понять, чего ты так опасался комиссии, можешь не отвечать – это твоё право, но ты должен понять, что завтра у курсантов выпускной экзамен. Исключить тебя я не могу, но ты завалишь как минимум треть курса, если продолжишь в том же духе. А ты, я не сомневаюсь, поддаваться не станешь. Вот скажи, как мне поступить? – спросил он.

– Давайте я вылечу за двадцать минут до окончания задания. Самые слабые уже выйдут из игры, самые сильные успеют набить балы. И когда я вступлю в бой, то основной состав уже отсеется, а кто не успеет, то не судьба, значит. И пусть все знают, что я даю им фору. И вообще я могу быть третьей стороной. То есть я буду сбивать всех подряд, а меня смогут сбивать обе конкурирующих стороны. Только я хочу иметь на подвесках не четыре ракеты, а восемь, чтобы не тратить время на перезарядку и дозаправку. Точку выхода моего корабля сделать в стороне от всех. Ещё можно отдельный приз тому, кто меня собьёт, – внёс я своё предложение.

Капитан долго думал, а потом произнёс:

– Согласен. Это будет самое лучшее решение, тогда, если ты согласен, давай составим официальное обращение от тебя, а то меня потом комиссии затаскают. Ты же всё-таки герой. Твои сражения транслируются по всему флоту. На тебя уже ставки ставят, за сколько минут ты пройдёшь тренажёр. Ты теперь гроза всех курсантов. Выйти против тебя – это завалить экзамен, так что не все довольны, что ты валишь курсантов пачками, а ведь среди них есть дети очень влиятельных людей, – сказал он.

После этого я подписал просьбу на отдельный зачёт, в составе третьей группы, и отправился отдыхать. Месяцы, что я провёл в тренировочном отряде, не прошли для меня даром. Моя реакция ускорилась, я стал лучше чувствовать симулятор и мог срастаться с кабиной, чувствуя каждый её модуль. Однажды я даже отказался лететь, заявив, что модуль неисправен, его проверили три раза, но не

нашли неисправности. Я всё равно отказался проходить зачёт в нём, и меня пересадили на другой, в итоге мой напарник, который должен был лететь со мной, застрял в капсуле на три часа. Оказалось, что кто-то перепрограммировал её, и напарник получил отравление углекислым газом. Не опасно, но три дня он провалялся в больнице. По камерам вычислили, кто это сделал, оказалось, что курсант, которого я трижды завалил на сдаче экзамена, решил таким образом мне отомстить. Его сразу же забрала Служба безопасности, и что с ним стало дальше, я не знаю, но на меня после этого стали поглядывать с опаской, не зная, что я выкину в следующий раз. Помимо этого, время моего полёта увеличилось до тридцати одной минуты, и есть надежда, что в будущем я смогу серьёзно увеличить это время. Месяц я не общался с внешним миром, отсылая редкие сообщения Лизе, чтобы не терять контакт с ней. Внимание женской половины курсантов ко мне постепенно спало, хотя в первые дни мне практически каждая вторая хотела повеситься на шею.

Придя в свой кубрик, я улёгся и, закрыв глаза, попробовал уснуть, но я чувствовал, что мои соседи не спят, и чего-то ждут, а скорее всего хотят спросить.

Не открывая глаз и не меняя положения тела, я задал вопрос вслух:

– Вы хотели что-то спросить? Не стесняйтесь, если смогу, то отвечу.

Вопрос задал старший по кубрику,

– Завтра у нас выпускной экзамен, и ты по жеребьёвке будешь за синих, а мы все за красных. У нас будет хоть какой-нибудь шанс сдать завтра экзамен? Ты не подумай, мы ничего не просим от тебя, просто завалиться через пять лет обучения, ну сам понимаешь.

Я специально помолчал пять минут, и когда они уже готовы были повторить вопрос, я ответил:

– Вы все хорошие парни и выкладываетесь на тренировках по полной, поэтому я тоже считаю, что включить меня в состав одной из команд, это значит, обречь другую команду на незаслуженное поражение. Поэтому мы с полковником приняли решение, что у вас будет сто минут на то, чтобы выяснить отношения между командами, а потом в игру вступлю я. Но играть я буду против всех. Тут

уж не обессудьте, кто не спрятался, я не виноват. Хотите выиграть, рвите противника с первых секунд, набирайте очки, а там посмотрим, чего стоят победители, – сказал я, не открывая глаз.

Ещё через пять минут он произнёс:

– Спасибо, если что обращайся, мы этого не забудем.

Глава 7. Квалификационные экзамены

Дайте человеку цель, ради которой стоит жить,

и он сможет выжить в любой ситуации.

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Утром я встал полный решимости доказать всем, что я – лучший пилот. Скрывать долго своё ограничение в полётах, я не смогу, но и игнорировать мои успехи руководство не сможет. Поэтому мне необходимо показать лучшие результаты на последнем экзамене. Садясь в кабину тренажёра, я слушал о том, как объявляли изменения в сдаче экзамена, и размышлял, правильно ли я поступаю, скрывая свою болезнь, но решил, что с этим я разберусь позже.

Сражение началось очень жаростно. Такого давно не было на экзаменах, пилоты двух разных отрядов набросились друг на друга, сразу же взвинтив темп до максимума. Практически все использовали форсаж, как постоянный атрибут боя. В первые минуты вынесли всех слабых игроков или тех, кто не успел взять максимальный темп сражения. Уследить за схваткой было очень сложно, непрерывные смены углов атаки, переход из одной плоскости в другую, манёвры на пределе перегрузок и постоянные пуски ракет в попытке подловить противника. Современные ракеты имели ряд ограничений, для уверенного поражения цели корабль противника должен попасть в очень узкую зону перед ракетой, тогда манёвренности ракеты хватит для поражения цели. Просто выпустить ракету по радару не принесёт успеха, пилот, сделав противоракетный манёвр в виде маятника с резким уходом в сторону, сможет сбить её с

наведения. Поэтому обычно ракету выводят на конкретную точку, в которой произойдёт захват цели и включится ускорение на короткую дистанцию. В таком случае пилота может спасти только катапульта. Две плазменные пушки, стоящие на истребителях, позволяли сбить космолёт противника только с десятка попаданий. Чем больше дистанция, тем сложнее попасть по противнику, и сила выстрела падает. Некоторые производят пуск сразу двух ракет: одну по радару, вторую в точку, где должен появиться истребитель противника. Стандартно на подвеске размещается по две ракеты с каждой стороны или по одной торпеде, но можно взять и двойной боезапас, но тогда падает манёвренность истребителя, и его легче сбить.

Тем временем сражение продолжалось, силы были практически равны, и количество игроков, выбывающих из сражения, было одинаковым. Когда пришло моё время вступить в битву, противников осталось двадцать девять машин, как они поведут себя, я не знал, но был готов, что они все набросятся на меня скопом.

Когда я вылетел с места старта, то вначале так и получилось. Мне пришлось с самого начала боя дико маневрировать, стараясь не попасть под ракету противника. Но вот мне удалось вклиниться между противоборствующими сторонами, пытающимися наносить удары по противнику и при этом охранять свой сектор.

Я уже давно находился в некоем подобие боевого транса и мгновенно отреагировал на подставившуюся пару истребителей, преследующих друг друга, подловив их на виражах, я облегчил свой истребитель на две ракеты, которые удачно поразили обе цели. Дальше мне опять пришлось кружиться между другими участниками сражения. Я искал именно двойную цель, и бортовой компьютер удачно подсказал мне пару, летящую практически навстречу мне. Идя встречным курсом, я произвёл два залпа ракетами практически в упор, можно сказать, что истребители сами насадились на мои ракеты. Глянув мельком на табло, я увидел, что остался двадцать один истребитель, продолжающий вести сражение. Теперь за мной уже практически не охотились, переключившись на других, более лёгких противников, так как угнаться было очень сложно. Следующей целью я взял скопление из восьми истребителей, сражающиеся двумя четвёрками, захожу ближайшему звену с нижней полусферы ниже эклиптики и на форсаже, под дикими перегрузками пронзаю их строй, выпустив две ракеты.

Не меняя направления, я несусь прямо на вторую четвёрку. Истребители принимают единственно правильное решение и расходятся в четыре стороны. Оставляя мне на выбор, только одну цель, но я успеваю выбрать наиболее неопытного и бросаюсь преследовать его, обстреливая из пушек, заставляя делать змейку, и произвожу пуск ракеты в высчитанную мной точку, делаю разворот и встречая в лоб севший мне на хвост истребитель. Мы запускаем ракеты одновременно, но я сразу же пускаю вторую по координатам на перехват ракеты противника.

Повторить мой манёвр он не может, так как на его подвеске других ракет уже нет. Я успеваю увидеть срабатывание обеих моих ракет, а компьютер сообщает о поражении первого противника. Пролетев строй, я делаю разворот, так как у меня ещё остались две ракеты, то я захожу на следующего противника. Я сажусь на хвост звену истребителей и не даю им выйти из зоны обстрела, повторяя за ними все элементы высшего пилотажа, при этом отслеживаю ситуацию вокруг, но желающих преследовать меня нет. После пары удачных попаданий, у ведущего спадает щит, теперь его можно достать из бортовых пушек, поэтому его пытается прикрыть ведомый, своим корпусом. Я этим и пользуюсь, запуская по нему ракету и продолжая обстрел ведущего. Силовое поле истребителя спасает только от попаданий мелких частиц космического мусора и энергоёмких объектов в виде выстрела из плазменной пушки. Защитить от поражения торпедой оно не в состоянии, поэтому одновременно с попаданием в ведомого ракеты, я успешно подловил ведущего в звене и вначале повредил двигатель, отчего он потерял манёвренность, а затем и добил его попаданием в кабину. В то же время я выполняю противоракетный манёвр с выходом в сторону своей базы, но меня никто не преследовал, пока я вёл атаку этого звена. Хотя у меня ещё есть одна ракета на подвеске, я оставляю её как резерв. Щиты у меня около тридцати процентов, и опасаться шального выстрела мне не стоит, поэтому беру прямой курс на базу. Тут же замечаю, как от основной битвы отделяются три истребителя и направляются мне наперехват, поэтому делаю доворот и иду им навстречу. Сканирую противника и отмечаю, что у них щиты ещё восемьдесят процентов, и только у одного просажен хвостовой щит до двадцати процентов. Для начала беру лидера на прицел и иду в лобовую атаку, маневрирую и меняю горизонт, пытаюсь запутать противника, но они идут плотным построением и не собираются расходиться. Все мои попытки выйти из зоны поражения, они нивелируют. Если я не выйду, то мне влепят три ракеты сразу и на этом мой экзамен закончится, достигая зоны сражения, где болтаются подбитые корабли, делаю резкий уход в сторону и стараюсь скрыться среди обломков, фиксирую пуск сразу трёх ракет и пытаюсь спрятаться за чередой обломков, но получаю два попадания из плазменных орудий в оба

крыла. Щиты просаживаются до пятнадцати процентов, одна из ракет цепляет обломок и взрывается, я делаю разворот на сто восемьдесят градусов, используя боковые компенсаторы и подруливающие устройства, при этом приходит сигнал повторного облучения и пуск ещё трёх ракет. Понимая, что это практически конец для меня, пытаюсь отстраниться от полёта и почувствовать каждую из летящих в мою сторону ракет. Сбить ракету из плазменной пушки можно, но очень трудно. Обычно шанс не превышает десяти процентов, поэтому никто в здравом уме этого не делает, только в безвыходном положении, как у меня. Мои мысли начинают замедляться и как бы растягиваться, а вслед за ними и время вокруг меня. Я вижу все пять ракет, которые летят в мою сторону, и начинаю наводить на них оба орудия, расположенные в крыльях истребителя.

Вижу, что четыре ракеты идут практически рядом, а одна заходит по траектории со стороны, поэтому перевожу на неё наведение второй ракеты, при этом продолжая обстрел четырёх ракет, летящих напрямик на меня. Внутри себя при этом чувствую, что всё делаю правильно, и пятая ракета точно будет поражена. Моё сознание как бы разделилось, и я одновременно держал под контролем несколько угрожающих мне объектов. Вот я фиксирую попадание в первую ракету и в ту же миллисекунду во вторую, при этом, я продолжая управлять истребителем, чуть доворачиваю его в сторону двух других ракет, а моё сознание фиксирует поражение моей ракетой пятой ракеты противника. Оставшиеся две ракеты взрываются практически перед носом моего истребителя, но я успеваю их сбить. Время ускоряется, и я делаю доворот, после чего выхожу в стороне от пронёсшейся мимо меня тройки. На полной скорости несусь к зоне старта для пополнения вооружения, одновременно входя в зону безопасности. Пока мне подвешивают ракеты, я замечаю, что мои руки начинают немного дрожать, я внутри ощущаю какую-то пустоту, но собравшись заставляю себя собраться. Впереди ещё десять минут боя, и я хочу найти наглецов, решивших бросить мне вызов. Вылетаю с базы и ищу, куда они могли деться, на тактическом экране видно, что осталось одиннадцать игроков, поэтому заметить слаженную тройку не составляет труда. Иду им наперехват, просчитывая варианты. То, что против меня сражаются не курсанты, я уже понял, так как мои трюки они полностью игнорировали. То, что могло сработать на курсантах, против бывалых пилотов не действовало, поэтому я, выходя на это звено, имеющее нестандартное построение, попытался повторить то чувство, когда время замедлилось и я смог контролировать сразу несколько объектов. Они меня ждали и поэтому опять развернулись мне навстречу. Но теперь разошлись более широким фронтом, чтобы я не смог повторить трюк с отстрелом ракет из пушек. Просчитываю варианты атак и начинаю вносить поправки в курсы всех восьми ракет, подвешенных у меня под крыльями. Мы несёмся друг на друга, игнорируя

стрельбу с больших дистанций. В итоге, когда я достигаю отмеренную мной точку, то провожу запуск всех восьми ракет и доворачиваю истребитель в сторону крайнего, у которого больше всего просажено щит и открываю по нему стрельбу. Пытаюсь угадать вероятное место, где окажется противник через секунду. Фиксирую пуск трёх ракет в мою сторону и открытие противником стрельбы, но я сосредоточен только на одном противнике, сливаясь со своим истребителем, довожу чуть штурвал и корректирую стрельбу моих орудий.

Замечаю попадание и как слетает щит с противника по характерной синеватой вспышке, после чего ещё два попадания выводят его из сражения, так как оба попадают прямо в кабину. Тем временем мои ракеты встречаются с ракетами противника, и они уничтожают друг друга, но мои пять движутся в сторону двух истребителей противника, и я фиксирую пуски ещё трёх ракет, как итог, они уничтожают ещё три мои ракеты, при этом опустошив свой боезапас, а один из истребителей получает две ракеты сразу и выбывает из сражения.

Мы остаёмся один на один, без ракет, при этом я уже захожу на свою цель атаки. Но мой соперник не сдаётся и, сделав сложный элемент, используя все ресурсы самолёта, включая экстренную систему торможения, пытается выйти из-под моего удара. Дальше начинается бешеная гонка, я пытаюсь догнать и попасть из пушек, мой противник пытается выйти из-под удара и атаковать меня. От постоянных перегрузок у меня практически непрерывно перед глазами висит пелена, как мутное стекло. От недостатка притока крови мысли текут вяло, но тело на автомате продолжает выполнять движения, а истребитель выписывает фигуры высшего пилотажа, я, как приклеенный, следую за противником и уже сбил его щит до десяти процентов, мне нужно минимум два попадания, чтобы вывести противника из игры. От напряжения я прокусываю себе губы до крови, моя голова раскалывается от напряжения, и на экране выскакивает предупреждение об опасности здоровью, а я отмечаю, что в порыве погони уже отключил ограничитель безопасности перегрузок. Понимая, что могу потерять сознание в любую секунду, делаю последнее усилие и нажимаю гашетку до упора. Непрерывная очередь из плазменных выстрелов, разогнанная до невероятной скорости, огибает пространство вокруг истребителя, не желая попадать в него, но на последних выстрелах, цепляет вначале защитное поле, а затем попадает двумя выстрелами по крылу и кабине. В ту же секунду симуляция выключается, и я оказываюсь в кабине тренировочной капсулы, оповещая о завершении экзамена по времени. Меня бьёт мелкая дрожь, и я продолжаю лежать в кресле пилота, хотя компенсационный гель уже откачен.

Смотрю на результат и на последнего сбитого противника и замираю в удивлении. Я сбил звено лучших асов Центавры, о них ходили легенды, а их фигуры пилотажа считаются самыми лучшими. Выбравшись из капсулы, я сразу направляюсь в душ, так как меня бьёт дрожь и мелкая судорога. Там я стою под горячей водой почти полчаса, пока моё тело не приходит в полный порядок. На выходе смотрюсь в зеркало и вижу, что сосуды в глазах полопались, а под глазами синяки. Перегрузки не прошли даром для меня, поэтому мне придётся самому посетить лазарет, иначе меня туда всё равно отправят.

Глава 8. Помолвка

Помолвка знаменует конец бурного романа

и начало вечной истории любви.

Раджив Ранджан

В лазарете мне пришлось провести два дня, пока моё самочувствие не улучшилось. Меня положили в какую-то новую медицинскую капсулу, где лечение шло с использованием специальных волн. Это новшество только стали внедрять, и пока таких капсул было единицы.

В соседнем боксе со мной лежало два пилота из лётной группы «Соколы», той самой, что встретили меня в конце выпускного экзамена и которых я сумел сбить в одиночку. Эта лётная группа считалась до недавнего дня лучшей в системе, и, что удивительно, она состояла только из девушек. Об этом мне поведал доктор, который следил за моим лечением. Он рассказал, что их вытащили из тренировочных капсул уже в бессознательном состоянии и в срочном порядке отправили в такие же капсулы. У них повреждения серьёзней, и они пробудут на сутки дольше меня. Настроения встречаться с бешеными амазонками, как их называли за глаза, у меня не было, поэтому задерживаться я не стал и сразу же отправился к полковнику за разрядкой.

Полковник встретил меня радушно:

– Проходи, герой. Присаживайся, рассказывай, как здоровье?

– Да вы не хуже меня знаете, вам обо всём докладывают, а здоровье нормально, хотя пару дней отдохнуть мне не помешает, – ответил я.

– Да, мне доложили, что у тебя висит трёхдневный отпуск с оплатой перелёта и проживанием в шикарной гостинице. Поэтому вот тебе увольнительная со всеми документами и средствами на расходы, – сказал он мне, а когда я прощался, то в дверях добавил. – Да, забыл сказать, тебя просили зайти в Службу Безопасности, там для тебя готово удостоверение и пропуск. И удачи, герой. Хотя у тебя её и так сверх меры.

Затягивать с посещением СБ я не стал и сразу же направился к ним.

При входе на этаж, где они располагались, у меня долго проверяли документы и несколько раз проверяли личность, только после долгой процедуры, мне выдали пропуск и сказали следовать по синей линии и ни в коем случае с неё не сворачивать. Я прошёл, петляя, в кабинет без нумерации, где меня встретил невзрачный лейтенант СБ.

– Прошу вас ещё раз пройти трёхуровневую идентификацию, – сказал он, после чего у меня сверили отпечатки, взяли ДНК, и отсканировали сетчатку глаза. Затем он вынул небольшой пистолет и сказал:

– Оголите любое плечо.

Я скинул мундир и закатал рукав, он тут же приложил пистолет и поставил мне внутримышечный маркер. Теперь это моё второе удостоверение, по которому меня не смогут трогать полицейские, даже когда я буду пьяный. После этого он выдал мне служебное удостоверение и дал подписать кучу бумаг, предварительно заставив их все прочитать. Когда я расписывался, то обнаружил, что я являюсь старшим лейтенантом Службы Безопасности, причислен в особый отдел вольным сотрудником с подчинением непосредственно генералу Рыкову.

– Мне поручили уточнить у вас, может вы уже определились с просьбой к генералу, он просил не затягивать с этим вопросом. Сейчас война, и он не хочет становиться вашим должником, а слово генерала чего-то да стоит.

Ещё раз взвесив всё, я сказал:

– Я слышал, что у вас учат особым способам ведения войны и есть особые подразделения, владеющие особым видом школы, называемым «бой с тенью», я уверен, что эти знания я смогу применить на пользу Центавре.

Лейтенант внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Я не буду спрашивать, где вы услышали об этом, не будь вы офицером СБ, мне бы пришлось вас арестовать и с вами бы провели тщательную беседу, но вас уберегает от этого ваше новое звание. Прошу впредь о подобных знаниях не распространяться, – сказал он, продолжая что-то набивать на своём планшете, и через три минуты он, подняв глаза, сказал:

– Генерал дал на это добро, но возьмут вас на обучение или нет, будет зависеть только от вас. Многим профессионалам своего дела не раз уже отказывали, так что всё в ваших руках. Учебный центр находится как раз рядом с лётным училищем, поэтому, если вас возьмут, то проходить обучение вам придётся по вечерам, там есть такая возможность, но просто не будет. Вот вам пропуск в закрытый сектор, как сдадите документы в училище, сразу отправляйтесь по указанным координатам, там вы пройдёте собеседование. Через три дня вы должны быть в указанном месте. В случае неявки ваш допуск будет аннулирован по обоим специализациям.

Получив вместе с пропуском ручной коммуникатор, положенный всем высшим офицерам, я получил сообщение, что мой шаттл отправляется через двадцать минут и мне нужно поторапливаться, если я не хочу опоздать.

К шаттлу я успел вовремя и, усевшись в кресло, стал рассматривать те документы, которые я получил. Два пропуска и билет на шаттл, который уже провели, основная информация содержалась в ручном интерактивном коммуникаторе или как все называют интерком. Там я узнал, что лечу я на тренировочную базу для лётного состава, где мне позволялось взять любого курсанта в сопровождающие на три дня, также там говорилось о забронированных билетах на курортную станцию, а также на нём висела внушительная сумма в сто тысяч кредитов. С учётом заработка в десять – двадцать кредитов в день, эта сумма была просто огромной. Поэтому я радостно устроился в пассажирском кресле бизнес-класса, закрыл глаза и попробовал

заснуть, и что удивительно, я даже задремал. Поэтому проснулся я уже в момент стыковки шаттла к внешнему шлюзу. Здесь не использовали посадочных палуб, так как это было накладно. Выйдя из шаттла и пройдя пограничный контроль, я вызвал на ручном интеркоме пункт назначения и последовал его указаниям. Училище располагалось недалеко от места швартовки, поэтому дошёл я пешком и сразу же отправился к руководителю четвёртого курса, которого я застал в тренировочной зоне.

- Сэр, разрешите?

- Что у тебя там? - спросил он.

Я скинул ему на интерком приказ об увольнительной, которую я заполнил по дороге. Он просмотрел разрешение за подписью адмирала и не стал задавать вопросов, но напомнил:

- Через двадцать минут она будет в вашем распоряжение. Можете подождать её в столовой, напомню, что через три дня она должна быть здесь.

Я скучал в столовой, попивая какой-то витаминизированный напиток, когда в неё вошла удивлённая Лиза. Увидев меня, она вначале не поверила, а потом с визгом бросилась мне на шею.

- Как же я рада тебя видеть, а мне сказали командировка на три дня, я и подумать не могла, что это ты, почему ты не предупредил меня?

- Хотел сделать для тебя сюрприз, ну, что идём? У нас всего три дня, и я не хочу потратить их впустую.

- Какие у нас планы? Куда пойдём? Здесь есть недорогой ресторан, у меня скопилось немного кредитов, можно отметить твоё награждение, - предложила она, глядя мне в глаза,

Я сделал вид, что серьёзно обдумываю её предложение, а потом сказал.

- Идея неплохая, конечно, но тогда мы опоздаем на шаттл, который идёт на курортную базу, где на нас забронирован пятизвёздочный номер в отеле Хилс.

Самый дорогой отель в системе.

– Ты шутишь? Там только для высшего офицерского состава и номер стоит не меньше трёх тысяч кредитов за сутки? Как тебе удалось?

– Я поступаю в офицерское училище и мне дали огромную премию. Так что, можно сказать, что я теперь завидный жених, – сказал я, беря под руку и направляясь с ней к причальным шлюзам.

Шаттл был транзитный и шёл на край системы, где располагалась курортная станция, поэтому регистрацию необходимо было пройти заранее, но личный интерком, позволял сделать это быстро и дистанционно. Когда мы ждали в зале ожидания, Лиза неожиданно встрепенулась, и посмотрев на меня, произнесла:

– У меня же нет платья, только форма курсанта.

– Не переживай, по прилёте всё купим.

– Но ведь там всё безумно дорого?

– А для чего ещё нужны кредиты? Конечно же, чтобы тратить их на самых прекрасных созданий во всей вселенной, – сказал я, целуя её в губы.

Окружающие офицеры с завистью смотрели на меня, но некоторые уже сверяли фотографию в своих планшетах со мной. И некоторые стали перешёптываться. Значит, меня уже узнали.

Но подойти к нам никто не успел, так как шаттл пришвартовался, и мы, пропустив выходящих пассажиров, стали по очереди проходить внутрь. Билеты у меня опять были в бизнес-класс, что очень порадовало мою спутницу, хотя определённую неловкость она всё-таки ощущала, так как несколько дам, летящих с нами были одеты в красивые и дорогие платья. Усевшись в свои кресла, мы отгородились специальным экраном от окружающих. Я сел у иллюминатора, а справа от меня села моя спутница.

И Лиза быстро забыла об этом, рассказывая последние новости.

– У нас на курсе все спорят, кто же скрывается за позывным «Зверь». Мы даже на занятиях рассматривали его тактику, и все преподаватели пришли к выводу, что выдержать такие перегрузки невозможно. Даже лидер звена «Соколов», эта сердцеедка Анастасия, потеряла сознание в капсуле, не взирая на то, что она самый опытный пилот. Поговаривают, что это новая разработка военных. В кабине не было пилота, истребитель управлялся роботом. Или человеком с вживлёнными механическими системами. Обычное сердце не выдержит таких нагрузок. Все данные его сражений будут разбираться отдельно после того, как комиссия проверит все данные и вынесет свои рекомендации. Возможно, тогда мы узнаем подробности, кто был пилотом.

– Странно. Потрогай здесь, – сказал я, приложив её руку к своей груди, – Что ты чувствуешь?

– Сердце. Стучит, – ответила она, не понимая, к чему я веду.

– Ну вот, а ты говоришь, что человеческое сердце не справится. Да и что за дурной позывной мне дали. Совсем не вяжется с моим образом. Называй меня лучше Беркутом, а то Зверь как-то кровожадно выглядит, – сказал я.

Она, не веря, уставилась на меня прямо в глаза, пытаясь понять, не шучу ли я с ней.

– Так вот почему ты так редко писал, а я уже не знала, что думать. Девчонки говорили, что ты другую себе нашёл, там при выписке тебя встречала толпа вертихвосток, а потом ты куда-то пропал и тебя не могли найти журналисты. Многие предполагали, что ты где-то весело проводишь время.

– Да особо писать мне было некогда. Тем более, мои успехи в реальном бою ничего не стоят, – ответил я, откидываясь в кресле и закрывая глаза.

– Почему. Да ты разбил в прах лучшее звено асов в одиночку. Нет, не верю. Такого не бывает. Мне никто не поверит, я еду отдыхать с самым завидным женихом в системе, ещё, оказывается, и лучшим асом, возможно, и будущим аристократом, – сказала она.

– Всё не настолько радостно. Никакой я – не ас. Меня хватает только на тридцать минут боя, а потом нервное напряжение делает из меня маразматика

на следующие полчаса. Травма при взрыве. Электромагнитный импульс выжег много нейронных связей, и нервы стали плохо проводить сигнал. Через полчаса полной концентрации, даже простым пилотом, выматывают мою нервную систему, и она становится не в состоянии контролировать моё тело. Медики вообще удивлены, как я выжил. По их мнению, в лучшем случае, я должен был на всю жизнь быть прикован к инвалидному креслу. Вероятность, что это пройдёт очень мала, а насколько серьёзная у меня проблема я пока скрываю. Иначе мне запретят летать. Пока я буду учиться ещё пройдёт два года, а за это время я надеюсь, что это пройдёт или хотя бы существенно увеличится время в полёте. Поэтому я заканчивал сражения настолько быстро. Или ты думаешь, меня просто так направили на полную пересдачу всех лётных экзаменов. Уверен врачи догадываются о причинах, но пока не афишируют это. Всё-таки национальный герой. Да и могут потом перевести на командную работу. Только вот я хочу летать и громить врага, а не отсиживаться по тылам, – на повышенных тонах высказал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/naydenov_dmitriy/kosmicheskaya-saga-geroyami-ne-rozhdayutsya-geroyami-standovyatsya-kniga_1

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)